

ЛитРес:

АЛЕКС Д
ЛАНА МЕЙЕР

18+

Мактуб

ЯДОВИТЫЙ ЛЮБОВНИК



Лана Мейер
Алекс Д
Мактуб. Книга 1.
Ядовитый любовник
Серия «Восточные (не)сказки», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51707452

Аннотация

В Нью-Йорке происходит серия громких убийств молодых девушек. Убийца, получивший в прессе прозвище «Ядовитый любовник», бросает вызов общественности, выкладывая в сеть страшно-красивые снимки своих жертв. К резонансному расследованию присоединяется молодой агент Эрика Доусон, чья подруга оказалась в числе убитых. На первом же задании Эрика сталкивается с неожиданной преградой в лице загадочного художника Джейдана Престона, по ряду причин попавшего в список подозреваемых. Запретное влечение, возникшее к возможному убийце, может стоить ей карьеры и жизни.

Жертвами «ядовитого» маньяка, становятся исключительно девушки с восточными корнями: он украшает их брильянтами, обнажает тела и скрывает лица масками, оставляя на коже

арабскую вязь, значение которой предстоит расшифровать Эрике Доусон.

Каково это осознавать, что в плену роковой страсти, каждый вдох может стать последним? И почему, ей кажется, что за маской циничного художника может скрываться еще более опасный хищник?

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Пролог | 7 |
| Глава 1 | 22 |
| Глава 2 | 36 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 55 |

Алекс Д, Лана Мейер

Мактуб. Книга 1.

Ядовитый любовник

Эрика:

Он близко. Настолько, что я могу увидеть его глаза. Все длится считанные мгновения, но секунды достаточно, чтобы захлебнуться в океане его глаз цвета индиго. Считаю до пяти, не отвожу свой взгляд и не смею моргать, пытаюсь победить в неравной схватке с незнакомым «зверем». Он побеждает. На четвертой секунде мои ресницы начинают дрожать, и я опускаю взгляд, нервно проводя кончиком языка по нижней губе. Губы, увлажненные помадой, пересохли. Вновь бросаю на него волевой взгляд, приподнимая подбородок, стараюсь абстрагироваться от его мощной, прошибающей до испарины и мурашек энергии, цепкого взгляда, который бывает лишь у трех видов мужчин.

Либо у сталкеров.

Либо у психопатов.

Либо у маньяков.

Черт, почему его нет в списке подозреваемых?

Джейдан:

Ни одна камера и ни одно зеркало не отразит того, что вижу в тебе я, Эрика. Не нужно бояться открыться. Я не причиню тебе боли. Только удовольствие. Покажи мне, кто ты...

Пролог

Людям свойственно находить порок, разврат и несовершенства даже в святине. Искусство остро подчеркивает то, кем мы являемся на самом деле, как зеркало отражая содержимое наших душ. Прекрасное и отвратительное имеет очень тонкую грань, запечатлеть которую дано не каждому, единицам, избранным. Именно по тому, как мы смотрим и понимаем те или иные произведения, стихи, картины, музыку, можно судить о нас самих. Творец открывает нам душу, но если мы пусты, то не видим в ней ничего, кроме грязи. Наши мысли и восприятие – это отражение той мерзости, что каждый носит внутри, и чем они чернее и отвратительнее, тем я ближе к вам.

Ядовитый Любовник

Нью-Йорк

Никогда прежде не занималась сексом в машине.

И никогда не делала этого в присутствии второго мужчины. Хотя уверена в том, что молчаливый водитель так ни разу и не обернется на заднее сиденье огромного «кадиллака», салон которого буквально создан для спонтанного и горячего соития с моим мужчиной. Мысль о том, что безликий

посторонний будет слышать каждый стон, предназначенный для моего *habibi*¹, несказанно заводит, сжимая горячую спираль, зарождающуюся внизу живота.

Он рядом, я слышу его тяжелое дыхание, оставляющее поцелуи незримого огня на моей коже.

Ощущаю себя грязной, раскрепощенной, открытой, одержимой и безумно влюбленной одновременно, когда наблюдаю за вспышками нежности в глубоких синих глазах неземного цвета, постепенно преобразующимися в неистовое пламя похоти, выдающее его жажду обладания. Порой мне кажется, что *habibi* наделен невероятной способностью метать искры и молнии из своих сумеречных глаз и опалять ими душу, заставляя заводиться от одного лишь взгляда и присутствия этого мужчины, обладающего сокрушительно сильной энергией, пропитанной ощущением власти и опасности.

Никогда не хотела никого настолько сильно – чтобы до дрожи не только в коленях, но и во всем теле. Желание накрывает лавиной до кончиков пальцев. Дрожащими руками я расстегиваю пуговицы на его черной рубашке. В полумраке наощупь раздвигаю сатиновую ткань, постепенно открывая своему взору его резко вздымающуюся широкую грудь. Трудно отвести взгляд от столь совершенного мужского тела. Издаю тихий стон, изучая взглядом кожу бронзового цвета, линию ключиц, лаская ее кончиками пальцев. Раскрытыми ладонями прикасаюсь к груди, опускаюсь к очерченным ку-

¹ Любимый (араб.).

бикам пресса, с ухмылкой наблюдая за тем, как они напрягаются от моих манипуляций... Он выглядит как сам грех, и мне всегда не терпится попробовать его на вкус. Так сильно, что низ живота скручивает огненной волной низменного и первобытного желания, незнакомаго мне до встречи с ним.

До него в моей жизни было много «никогда не», и именно с ним, с моим обольстителем, я многое попробовала впервые за какие-то две недели. Словно змей искушитель, *habibi* взял меня за руку и отвел в сад запретной страсти и порока, проведя по краю над пропастью, наполненной самыми сладкими грехами.

И с ним я готова нырять туда снова и снова.

То, что происходит со мной, когда мы вместе, – невероятное безумие, затуманивающее разум, заставляющее существовать в реальности, переполненной удовольствием и чувственным искушением.

Наверное, его секрет в том, что он может быть нежным, заботливым, трогательным мужчиной, носящим меня на руках и купающим в дорогих подарках и бриллиантах, блеск которых меркнет, когда я смотрю в его глаза. Он может быть другим, почти незнакомым – несущим в себе разрушительную, агрессивную, первородную мужскую энергетику, ядом проникающую под кожу, наполняющую вены испепеляющим жаром.

Не успеваю думать и трезво мыслить и всегда быстро оказываюсь в его власти, несмотря на то, что каждый раз говорю

себе, что мы вместе всего ничего и мне не стоит так быстро растворяться и влюбляться в него... Моя мама говорила, что влюбить в себя с первого взгляда может только лишь Дьявол. Она ошиблась. Мой *habibi* не причинит мне боли, и вся его внутренняя тьма никогда не будет обращена в мою сторону с целью по-настоящему навредить мне.

Еще месяц назад я не знала, что такое истинное удовольствие, и после пары неудачных попыток познать искусство любви и секса приняла решение вступить в близость только после свадьбы... но все изменилось, когда в мою жизнь ворвался мужчина с синими глазами. Я же сразу ощутила его – притяжение, которому невозможно противостоять. Не могу устоять и сейчас, кожей ощущая его близость в полумраке машины, вдыхая запах парфюма с терпкими мускусными нотами и дорогой кожи, исходящий от широкого дивана... и почему-то легкий аромат краски, приглушенный запахом табака.

Прогибаюсь в его плотно сжатых руках на моей талии в такт плавной музыке без слов, наполняющей пространство автомобильного салона, и ощущаю, как он по очереди сжимает грудь в сильных ладонях и с низким рыком сминает нежную кожу, освобождая от ткани платья, спуская его бретельки так, чтобы ткань до боли приятно врезалась в затвердевшие соски. Накручивает на указательный палец бриллиантовое ожерелье, которое подарил мне сам, игриво обхватывая его, словно мой ошейник. Но я всецело доверяю

habibi. В ответ неотрывно смотрю в его глаза, обвожу кончиками пальцев напряженную линию его челюсти. Плавно двигаясь по изгибам моего тела, его руки опускаются на мои бедра, и, впиваясь пальцами в ягодицы, habibi насаживает меня на каменную эрекцию, но я чувствую его пульсацию лишь через ткань брюк и своих трусиков. Тихий стон срывается с моих губ, пока я инстинктивно двигаюсь против внушительной выпуклости, ощущая, как между ног становится слишком горячо и влажно. Мучительно сладкий кайф наполняет меня изнутри, и я думаю лишь о том, как хочу ощущать его кожа к коже.

– Не стесняйся, кричи громче, моя shaeir², – чувственным и низким шепотом приказывает habibi, и его слова отдаются требовательной пульсацией в моем изнывающем от желания лоне. – Хочешь мой член, крошка? Тогда отсоси мне.

Я нервно хихикаю, заводясь от его грязных слов, сказанных нежным, но не терпящим возражений тоном.

Мы очень долго можем быть строптивыми недотрогами, но, когда встречаем мужчину, способного заткнуть нас парой слов и движений, теряем способность к сопротивлению, открывая для себя дорогу преклонения и покорности. Судя по низкому хрипу, доносящемуся с водительского кресла, его приказ слышу не только я. Словно читая мои мысли, habibi уточняет просьбу:

– Отсоси мне так, чтобы этот ублюдок завидовал, – непо-

² Муза (араб.).

колебимо требует он, имея в виду молчаливого водителя.

Меня не нужно долго уговаривать. Я влюблена в него и хочу каждый сантиметр его восхитительного тела. Опускаюсь на пол, широко расставляя ноги и упираясь коленями в диван заднего сиденья, одновременно до конца распахиваю полы черной рубашки. Перевожу взгляд с его глаз на очерченные кубики пресса, вновь лаская их кончиками пальцев. Снова поднимаю глаза, и, облизывая губы, расстегиваю молнию его брюк.

На моем мужчине нет даже боксеров.

Затаив дыхание, я сжимаю его член у основания, разглядывая твердую эрекцию, которая вскоре окажется глубоко внутри меня. Еще три недели назад я была не способна на подобное, но сейчас я, не раздумывая, наклоняюсь ближе к пульсирующему в ладони органу и с упоением скольжу языком по его открытой головке и затыкаю собственный стон, принимая его в рот так глубоко, насколько могу, ощущая на языке его вкус. Мои пальцы оглаживают крепкий пресс и бедра мужчины, пока я с наслаждением начинаю сосать то, что принадлежит только мне. И сейчас я как никогда ощущаю свою маленькую власть и контроль над его эмоциями и ощущениями. Сейчас я – единственный источник его удовольствия в этом мире.

– Ты моя Богиня, девочка. Моя shaeir, – с благоговением шипит он и уже куда грубее и ниже добавляет: – Возьми еще глубже. Ты же можешь, детка.

Набиби сгребает в охапку волосы на моем затылке и, резко выгибаясь бедрами навстречу моим губам, проникает глубоко, упираясь в горло. Это заводит и пугает одновременно, мое сердце пропускает удар от страха и дикого, прошибающего до седьмого пота возбуждения. Мысленно успокаиваю себя тем, что я рядом с любимым и он не посмеет задушить меня и сделать то, что я не приемлю. И, словно читая мои мысли, он ослабляет хватку, позволяя мне вновь все взять в свои руки, точнее, в рот и обласкать языком и губами. Меня заводит контраст ласки и грубости во всех его действиях. Ощущения, будто я бегу по раскаленной пустыне, гонимая ледяными иглами снега. Контраст, искушение, соблазн... я сама себе завидую. Кто бы мог подумать, что наши отношения перерастут в смертоносную страсть. Восхитительную, необыкновенную, запредельную. О такой мечтают, но никогда не произносят этого вслух. О такой не рассказывают подружкам. Я не знаю, как и что он со мной сделал, как подобрал ключ к моему ледяному сердцу.

Невольно я задаюсь вопросом: ощущала ли я себя живой до него?

Все эти годы я жила с чувством, что умерла еще тогда, в том гадком притоне, который поставил крест на моей женственности и закрыл сердце на глухие стальные засовы. Но он волшебным образом исцелил мои кровоточащие годами раны, наложив на мою душу прочные швы, и заставил поверить в то, что я особенная. Я не такая, как они обо мне го-

ворили четырнадцать лет назад.

Я не такая, как все, ведь он меня выбрал.

Прекращаю небольшую мыслительную медитацию, возвращаясь в сладкий момент «здесь и сейчас». Судя по низким звериным рыкам и вздувшимся венам на члене моего мужчины, я фактически довела его до грани безумия. В последний раз вбираю его плоть до основания и выпускаю изо рта с возбуждающим хлопающим звуком, продолжая поглаживать и сжимать его налитый желанием ствол в ладони, пока habibi почти заботливо вытирает мои губы перчаткой.

– Тебе понравилось, habibi? – нежно и мягко мурлыкаю я, читая ответ в его взгляде и порочной ухмылке, изгибающей контур очерченных губ. Молчаливый таксист с шумом втягивает воздух сквозь зубы, и мой мужчина удовлетворенно кивает. Я выполнила его просьбу на отлично.

– О да, он мне завидует, shaeir. – Презрительный глухой смешок контрастирует с его восхищенным и довольным взглядом, мышцы пресса сжимаются под воздействием моего одурманенного взора. – Но сейчас мне нужно трахнуть тебя.

Nabibi обхватывает мой подбородок и поглаживает меня костяшками пальцев, словно ручную кошку. Я готова прильнуть к его колену лбом и бесконечно ластиться к своему распутному Богу.

– Ко мне иди, – вновь приказывает он, рывком поднимая меня к себе. Еще более резким движением мужчина прижи-

мает меня к себе, и я охотно опускаюсь на его бедра, потираюсь затвердевшими сосками о его грудные мышцы, едва ли не кончив от ощущения близости наших влажных тел. Новый стон срывается с моих губ, и, поймав мой полуоткрытый рот, он врывается языком внутрь, параллельно терзая мою грудь ладонью, другой сдвигает намокшие стринги в сторону, размазывая соки по самым интимным местам моего тела. Каждая его ласка, грубое слово, движение – любое действие отдается пульсацией внизу живота и между бедер, я ощущаю, как мое нестерпимое желание нарастает с каждой секундой, заставляя меня царапать его бицепсы и плечевые мышцы.

Глаза в глаза, наши дыхания сплетаются в диком танце... ничто не предвещает того, что навсегда изменит ход моей жизни.

Его член скользит между ягодиц, судорожная дрожь проходит по телу, когда он ударяет головкой около входа. Дразнит вновь и вновь, заставляя меня извиваться в его объятиях и с еще большим рвением тереться о его плоть, даруя нам обоим острое наслаждение.

– Какая послушная, готовая девочка, – удовлетворительно ухмыляется мужчина, проникая внутрь на пару сантиметров, вызывая новую волну приятных спазмов по всему телу. – Со мной ты стала такой плохой, *shaeir*. Такой грязной. Ты заслуживаешь самого прекрасного наказания, милая...

– Трахни меня, *habibi*. Пожалуйста, – умоляю я, извиваясь

в его руках, настойчиво вращая бедрами. Черт, давай же... я заслужила награду, но никак не «наказание»...

– Твои пороки и красота заставят миллионы людей содрогаться от восхищения и страха. Этот прогнивший мир увидит тебя особенной и никогда не сможет забыть.

Не придаю и малейшего значения его странным словам. Он часто говорит непонятные мне фразы. Я не способна сейчас ясно мыслить.

Наши взгляды встречаются в тот момент, когда мужчина медленно проникает в меня, насаживая и растягивая, позволяя ощутить каждый сантиметр налитой желанием длины. Замирает внутри лишь на мгновение, пальцами больно сжимая мои скулы, гипнотизирует взглядом повелителя, заставляя безвозвратно тонуть в омуте любимых глаз. И уже через секунду от нашей нежности и неторопливости не остается и следа – мне необходимо кончить от его члена, и, уже не попадая в такт медленной музыке, я двигаюсь на его бедрах, ощущая дикий горячий взгляд на своей вздрагивающей груди и шее, покрытой бусинками пота. Да, быстрее. Хочется стонать и дышать глубже, беспорядочно кусая свои губы... его губы.

– Ах-х, да! – вскрикиваю, ощущая, что он подходит к грани. Шипит сквозь сжатые зубы, его пальцы грубее сжимают волосы, талию и бедра, все вместе, жадно, неудержимо, по очереди. В моей крови взрывается ударная доза противоречивых эмоций: запретная чувственность, сокрушительная

страсть, ниспадающая на меня водопадами мощнейшего оргазма. Прикрывая глаза от наслаждения, смакуя каждую волну сладкой дрожи по телу, ощущающуюся так еще ярче... Под веками вспыхивают звезды, пока я сжимаю в тиски его мощный член, ощущая, что он тоже близко. Открываю глаза, чтобы посмотреть на любимого в момент оргазма.

Вздрагиваю от того, что мое сердце делает резкий скачок в груди, и не от удовольствия. Болезненно сжимается. Нега, разливающаяся по телу, вмиг растворяется, превращаясь в пыль.

«Может, мама была права?» – невольно пробегает мысль, когда в его нездоровом, плутоватом взгляде вспыхивают искры первородного зла. Покусанные мной губы трогает безумная, торжествующая улыбка, желваки бугрятся под линией выразительных скул.

Что происходит?

Никогда прежде его белки не наливались кровью в момент приближения к оргазму. И пока habibi, сжав челюсть в хищном оскале, продолжает насаживать меня на свой член, я не узнаю его, ощущая нехорошее предчувствие. Так я чувствовала себя накануне страшных взрывов, разделивших мою жизнь на две. Дурман в голове рассеивается, как только я понимаю, что habibi не просто сжимает мою шею бриллиантовым ожерельем, как часто делает это в преддверии оргазма, а делает это намеренно – причиняя мне боль, перекрывая кислород, заставляя захлебываться приступами удушья

и кашля, сходить с ума от охватившей нутро паники.

– Мне больно, – сиплю пытаюсь вразумить его я, но он никак не реагирует на мои слова. Точнее, адекватно не реагирует. По-настоящему жутко становится тогда, когда я понимаю, что мои челюсти, виски и лоб сковывает платиновая маска, которую он надевает на меня так быстро и ловко, будто проделывал это сотни раз. Что еще за хрень? Если это эротическая игра, почему habibi не предупредил меня? Маска больно сдавливает голову, превращая мысль в комок оголенных нервов. Я хочу поднять руку и ударить его, чтобы безумец, одержимый то ли страстью, то ли внутренним бесом, прежде не являвшимся мне, очнулся и перестал меня душить. В момент, когда моя ладонь вздымается в воздух, что-то тонкое, обжигающее, наделенное дыханием смерти, врезается в мою изнывающую болью шею. Острая игла насквозь пронзает вену. Боль выгибает дугой, я надрывно кричу будто подбитая в небе птица. Кричу в последний раз в своей жизни.

Тело стремительно немеет, но я успеваю повернуть голову и вижу зажатый в сильном кулаке шприц. Вновь смотрю на habibi и не узнаю в нем мужчину, которым была поглощена все это время. На меня действительно смотрит Дьявол, полный безумия и одержимости забрать меня в свою преисподнюю.

Что происходит? Что он наделал? Может, это игра? Может, это такая шутка?...

Хватаюсь за эти мысли как за спасательный круг, но ничто не может спасти от цунами, несущего за собой лишь обреченность, холод, остановку дыхания и смерть. Я узнаю ее... она уже была так близко. Много лет назад она дышала мне в затылок.

Я хочу задать ему все эти вопросы, хочу истошно закричать в его дьявольски красивое лицо, чтобы понять, что это за новая игра и почему он не предупредил меня о правилах. Почему не дал мне шанса выиграть?

Но судя по торжествующему взгляду хабиби, это не игра. А если и она, то она окончена. Для меня.

Поверхность кожи обдает жаром, в то время как каждая вена внутри покрывается инеем; мышцы, еще недавно пронзенные удовольствием, немеют.

Я слишком поздно понимаю, что происходит. Парализующий яд наполняет каждую клетку тела, ощущаю, как кровь застывает, ноги и руки тяжелеют, а каждый вдох дается все труднее и труднее.

Я не могу двигаться.

Я едва дышу.

«Что? Что ты со мной сделал, любимый?» – последний, отчаянный вопль внутри. Из глубины души, неспособный вырваться из губ. Никогда больше.

Но это еще не конец его представления. Ответы на мои немые вопросы читаются в его торжествующем взгляде, пока он кончает в мое почти омертвевшее тело. Я этого не

чувствую, лишь вижу эмоции, отраженные на его лице, искажающие его черты маской наслаждения. Не такого, как прежде, – нездорового, безумного. Эмоции маньяка, наслаждающегося неминуемой гибелью попавшей в хитросплетенные сети жертвы.

Я медленно умираю от удушья. Чувство обреченности накрывает снова и снова, ощущаю себя утопленницей, неумолимо погружающейся в глубины океана. Но уже не его синих глаз.

Я думала, что с ним я только начала жить по-настоящему...

– Мактуб, – произносит мужчина, которому я вложила сердце в ладони и позволила отравить смертельным ядом. Чувственные губы изгибаются в порочной усмешке, он придиричиво разглядывает мое закованное в маску лицо и с толикой радости и удовольствия выплевывает: – Мое порочное совершенство, созданное искушать и соблазнять. Смерть искупит грехи, а я сохраню твою красоту нетленной.

Кончики его пальцев приближаются к краям маски, но я не чувствую касания – и не чувствую, как он скидывает меня на пол салона «кадиллака», мне не больно.

Плохо, что не больно. Это значит, что...

Я умираю.

И холодное триумфальное выражение в его равнодушном взгляде говорит мне о том, что так и есть. Я еще мыслю, но уже не могу дышать, не чувствую собственного тела.

Это конец.

Макту́б مکتوب.

Так предначертано.

Глава 1

*Двое в пустыне пытаются отыскать не только
друг друга, но и оазис, где они могут быть вместе.
Джон Фаулз. Коллекционер*

14 лет назад

Кемар³, поселение Аззам

Мелодичный азан муэдзина разносился из галереи высокого минарета над Аззамом. Полуденное знойное солнце стояло в зените, золотые лучи отражались в изогнутом полумесяце, венчающем купол мечети, и рассыпались сияющими бликами по белокаменным стенам. На удивление мощным и красивым голосом слепой юноша Абдула, стоя лицом к Мекке, нараспев читал молитву, восхваляя Аллаха и призывая на Джуму⁴ собирающихся возле небольшой мечети прихожан. Его лицо было охвачено безмятежным одухотворением и покоем, а незрячие глаза прикрыты в блаженном умиротворении. Мужчины и женщины в праздничных одеждах с чистым и открытым сердцем, оставив все дела и устремив мысли к

³ Кемар – отсоединившийся регион Анмара, после внутренней революции объявивший о своем суверенитете.

⁴ Джума́-нама́з (араб. صلاة جمعة – «пятничная молитва») – обязательная коллективная молитва мусульман. Совершается в пятницу во время полуденной молитвы в мечетях. Совершение джума-намаза предписано в Коране.

Всевышнему, спешили совершить пятничный намаз, являющийся главным событием недели в небольшом и бедном поселении.

С босыми ногами и праведными мыслями мужчины устремлялись занять места сразу за имамом Ибрагимом, готовящимся читать пятничную проповедь, в то время как женщины смиренно занимали самые дальние ряды за деревянной перегородкой, разделяющей молитвенный зал. Дочери усаживались на бордовые толстые ковры рядом с матерями, сыновья – с отцами. Никто не кричал, не суетился, не толкался, не предавался пустой болтовне. Даже самые неугомонные маленькие ребятишки робко опускали головы, проникаясь атмосферой благочестия и торжественной святости.

Пронзительный, приятный и ласкающий слух голос слепого муэдзина прозвучал в последний раз с украшенного узорчатой кирпичной кладкой минарета, возвышающегося над Аззамом. Почти все жители поселения собрались на Джуму сегодня, за исключением больных, беременных, малолетних детишек и немощных стариков. Не больше ста двадцати человек насчитал зорким взглядом имам, начиная молитву.

Джамаль, тринадцатилетний сын местного реставратора Омара Камаля – набожного, бедного и уважаемого человека, пришел в мечеть в числе первых вместе с отцом. Омар помогал имаму Ибрагиму с мелкими поручениями от чистого сердца и не брал за свою работу никакой платы. Орнамент-

ная вязь, богатые узоры на михрабе⁵ и слова из священного Корана были выведены сильной и уверенной рукой истинно верующего мусульманина Омара Камалья. И если где-то краски выцветали и трескались, то он или Джамаль первыми спешили исправить малейшее несовершенство в мечети. Омар Камаль каждый день возносил молитву Аллаху за то, что сын разделил его талант к творчеству, крепкую веру и стремление вести благочестивую жизнь, и молился о его душе больше, чем о своей собственной. И тому были веские причины, о которых не знал ни Джамаль, ни даже самые близкие родственники Омара.

Заняв свое привычное место и окинув взглядом молитвенный зал, юноша увидел, как отец вместе с другими верующими склонил колени. Его мать Сара и две сестры должны были прийти чуть позже. Юноша никогда не молился рядом с отцом, выбирая самый последний ряд. Никто не удивлялся, зная, что Джамаль так поступает, чтобы быть поближе к маленьким сестрам и матери. Сара гордилась, рассказывая подругам, каким защитником растет ее единственный сын.

Но правду знал только Джамаль, испытывая глубокую вину и стыд за то, что его мысли были далеки от благочестия и святости, прививаемых отцом с раннего детства. Вовсе не

⁵ Михраб (محراب) – ниша в стене мечети, часто украшенная двумя колоннами и аркой. Михраб указывает направление на Мекку (киблу) и чаще всего расположен в середине стены. Михраб предназначен для того, чтобы в нем молился имам мечети (руководитель намаза), который во время молитвы должен находиться впереди остальных молящихся.

забота о матери и сестрах держали мальчика в крайнем ряду перед ограждением, за которым молились женщины, а голубые глаза девочки в черной абайе⁶ и плотном хиджабе с прорезями, сквозь которые она смотрела на мир и на него... Джамалья Камалья.

Девочка приходила в мечеть с отцом и братьями, которые молились отдельно. Одинокая, скромная, маленькая, редко поднимающая с пола робкий взгляд, но когда это случалось, Джамаль от волнения забывал слова молитвы и смотрел только на нее, нарушая все запреты, пытаясь не пропустить короткие мгновения, запомнить каждый оттенок небесной лазури, чтобы потом запечатлеть в своих набросках, которые прятал в укромный уголок подальше от глаз родителей. Но сколько бы юноша ни рисовал голубоглазую незнакомку, работы получались незаконченными, не отражающими всей той красоты и хрустальности, которые он видел во время краткого пугливого обмена взглядами во время молитвы. Всему виной хиджаб, скрывающий от него оставшуюся часть лица, не менее красивого (он был в этом абсолютно уверен), чем большие миндалевидные небесные глаза с беспокойной рябью, рассыпавшейся серебристыми точками по голубой

⁶ Абайя (араб. عباءة; произносится ʕabaːja или ʕabaːʔa) – длинное традиционное арабское женское платье с рукавами; не подпоясывается. Предназначена для ношения в общественных местах. Обычно черного цвета, но встречаются также разноцветные. Часто абайя обильно разукрашена вышивкой, бисером, стразами. В некоторых арабских странах – обязательная одежда для мусульманок и иностранок, надеваемая вместе с хиджабом или никабом.

радужке. Светлые, насыщенные, бездонные, несвойственные азамским девочкам, они заколдовали, заворожили Джамаль, навевая мысли о прозрачных чистых водах глубоких далеких морей и бушующих океанов, которые он никогда не видел. Про себя Джамаль называл ее Эйнин. Ему казалось, что это имя идеально подходит девочке.

Каждый раз она робко опускала ресницы, встретив его прямой настойчивый взгляд, но, когда он украдкой опять оборачивался, поднимала снова. И, наверное, точно так же стыдилась интереса, который пробуждал в ней черноволосый высокий мальчик с темно-синими выразительными, пронзительными глазами, являющимися редкостью в здешних местах. Но только Джамаль приходила в голову мысль нарисовать глаза Эйнин, чтобы сохранить их лазурный, чистый небесный свет на бумаге и в памяти.

Если бы отец нашел его папку с работами, то прибег бы к самым жестким мерам, может быть даже к порке розгами. Джамаль выдержал бы любое наказание со смирением, потому что заслужил его. И он и голубоглазая девчонка поддались соблазну в самом неподходящем для греховных мыслей месте, нарушили запрет.

Даже не оборачиваясь, Джамаль угадывал, когда Эйнин занимала свое место за перегородкой, и за молитву позволял себе обернуться не больше двух-трех раз, чтобы не навлечь подозрения других женщин. И девочка, осознанно или нет, помогала ему (или являлась испытанием для его веры),

вставая рядом с матерью и сестрами Джамалы. Именно поэтому Сара Камаль думала, что сын оглядывается, чтобы посмотреть на нее. Вот и сейчас быстро повернув голову, Джамаль утонул в бездонных глазах девочки. Плотнo сжал губы, стараясь сдержать зарождающуюся в уголках губ улыбку. С трудом оторвавшись, скользнул вправо в поисках мамы и сестер, но их места до сих пор оставались пустыми, хотя имам уже заканчивал проповедь. Сара Камаль никогда не опаздывала на пятничную молитву, которую ждали целую неделю, как редкий праздник в Аззаме.

Нехорошее предчувствие шевельнулось внутри, но Джамаль отогнал прочь дурные мысли, прислушался к словам имама Ибрагима, присоединяясь к молитве. Благочестивое песнопение оборвалось внезапно. Первый хлопок раздался прямо перед михрабом. Некоторые молящиеся даже не успели встать с колен, пораженные искореженными осколками самодельной бомбы. Когда они умирали, их губы все еще шептали слова молитвы.

Следующий взрыв прогремел через несколько секунд с правой стороны, вспыхнули и задымились ковры; по мечети пополз сизый едкий дым, началась паника и крики, надрывно плакали дети, кашляя и задыхаясь. В оба входа мечети ворвались вооруженные мужчины с обернутыми вокруг лица платками и без разбора начали палить из автоматов по пытающимся выбраться людям. Все происходило стремительно, быстро; взрывы, стрельба, хаос.

Крепкий мужчина, громко крича имена своих близких, толкнул Джамалю и рванул вперед, но тут же упал, остановленный автоматной очередью, и больше не шевелился. В панике мужчины и женщины, подхватив на руки детей, бежали к выходу, но там их ждали пули повстанцев. Джамаль скрипнул зубами от отчаянья. Мысль об отце мелькнула в сознании алым всполохом, и он метнулся вперед, в самую гущу кровавой бойни, не думая о собственной жизни. Сделав пару шагов, он споткнулся о тело одного из погибших, которое не рассмотрел в дыму, упал сверху, испачкав лицо и одежду в крови. Открытые мертвые глаза смотрели с изуродованного смертельным ранением лица, и застывший в них навечно ужас передался Джамалю. Стирая рукавом рубахи чужую кровь с щеки, юноша заставил себя подняться и внезапно увидел сжавшуюся у стены Эйнин, голубоглазую девочку. В шоке и ужасе она смотрела на него обезумевшим отчаянным взглядом, ее голые маленькие ступни были поранены и кровоточили, в пальцах она нервно сжимала четки. Бездонные озера слез взирали на него, но не умоляли о помощи, нет... Они оба в этот момент ничего не осознавали. Звуки выстрелов, яростные крики мятежников, отчаянные мольбы умирающих...

– Пригнись, – Джамаль схватил девочку за руку, дернув вниз так, что она неловко приземлилась на четвереньки.

Черный дым становился плотнее, укрывая юношу и девочку от безжалостных взглядов убийц. Белая краска на сте-

нах мечети обуглилась и потемнела. Многочасовые труды Джамалья и его отца были уничтожены за несколько минут. Всюду смерть, боль. Крики громче, выстрелы чаще.

– Нам туда. Ползти сможешь? – стиснув зубы от охватившего его гнева, спросил Джамаль, показал в сторону задней стены и, дождавшись кивка Эйнин, пополз первым, постоянно оглядываясь, чтобы убедиться, что девочку не ранили и она не отстала. Немногие из прихожан знали, что там, под полом, находился лаз, ведущий наружу, напрямик в специальные комнаты для совершения омовений. Имам Ибрагим, Омар Камаль и другие работники мечети знали о подземном ходе, и Джамаль тоже... Если бы он окликнул остальных, то никто бы не спасся. Смертельная давка и поголовный расстрел – вот каким был бы результат.

– Сюда, – загибая край ковра, Джамаль дернул за медное кольцо, поднимая металлический люк, откуда пахнуло влажной землей и плесенью.

– Там папа, мои братья... нет, – отрицательно замотав головой, впервые заговорила девочка, упрямое выражение отразилось в голубых глазах.

– Сначала ты, потом они, – Джамаль показал пальцем на нее, а потом на мечущихся в ужасе людей, скрытых от них плотной пеленой черного тумана. – Я вернусь сюда и помогу кому успею. Хорошо? – Он дал обещание, которое знал, что, возможно, не сможет сдержать. – Ты мне веришь?

Шмыгнув носом, девочка снова кивнула, но не двигалась,

не сводя с него глаз.

– Быстрее, давай же, – прикрикнул на нее парень. Совсем рядом в стену вошла пуля, отрикошетив в паре сантиметров от его головы. Длинное неудобное одеяние мешало девочке, сковывало движения, и, потеряв терпение, Джамаль толкнул Эйнин прямо в лаз и спустился следом, закрыв люк. Оказавшись в крошечной темноте, на земляном полу, девчонка отчаянно и в голос зарыдала. Нашупав ее руку, он крепко сжал ледяные пальцы и помог подняться.

– Я знаю, куда идти. Не бойся. Я выведу тебя.

Она тряслась от шока, пока он уверенно вел ее за собой. Ему тоже было страшно. Не меньше, чем хрупкой маленькой Эйнин, но Джамаль не мог плакать, не мог позволить себе быть слабым. В ушах стояли крики детей, которых он не успел и уже не успеет спасти... Впереди замаячила полоска света, и Джамаль остановился. Взял оцепеневшую, дрожащую в нервном ознобе Эйнин за плечи и встряхнул, пытаясь привести в чувство.

– Видишь свет? Там выход в комнаты для омовения, а прямо за ними пустыня Махрус. Беги туда и не оглядывайся, – проговорил решительным непреклонным голосом. Она подняла голову, и ее глаза, похожие на цветущие оазисы, сверкнули от слез.

– Нет, я дождусь тебя здесь, – надорванно возразила девочка, потрянув головой. Ее длинные мокрые ресницы слиплись и прогнулись от обилия влаги.

– Военные Кемара спасут тебя. Не жди меня. Беги, – прикрикнул на нее Джамаль, разворачивая и толкая вперед. – Беги. Быстро!..Нет, постой, – схватил за запястье и резко дернул на себя, что-то тяжелое и прохладное сунул в раскрытую ладонь. – Сохрани. Для меня. Если *суждено*, я выживу и найду тебя.

Она горько заплакала, глядя в синие глаза спасшего ее юноши. В мечети остались ее отец и два брата. Если она убежит, то никогда их больше не увидит. И его тоже. Они оба это понимали.

– Беги. Времени мало, – надломленным, измученным голосом проговорил Джамаль. В его глазах мелькнули боль и отчаянье. Белая праздничная рубаха порвалась в нескольких местах, запачкалась копотью и кровью. Красивое, но совсем еще мальчишеское, скуластое лицо исказило яростное выражение. – Беги же, глупая!

– Возьми, они тебя защитят, я сама их сделала, – пролепетала девочка, снимая обернутые вокруг запястья четки. Неидеальные и неровные разноцветные бусины, нанизанные на шелковую нить, опустились в его ладонь. Прищурившись, он смотрел в прекрасные глаза Эйнин, осознавая, что, возможно, никогда не сможет вернуть ей ее сокровище. – Я буду молиться за тебя.

– Беги, я сказал! – Сунув четки в карман, зарычал он. – Спасайся! – И снова толкнул ее в спину, показывая рукой в сторону слишком яркого для этого страшного черного дня

света, а потом развернулся и скрылся в темноте.

– Как тебя зовут? – спохватившись, крикнула она ему вслед, но так и не дождалась ответа.

В одиночку Джамаль добрался до люка гораздо быстрее и через пару минут уже снова был в мечети – в самом пекле преисподней. Гарь, пламя, смрад и зловещая тишина, десятки мертвых обезображенных тел и прохаживающиеся между ними мятежники с кислородными масками на лице и поднятыми наготове автоматами. Сердце Джамалья окаменело в неверии, когда среди повстанцев он увидел стройную женщину. Во время бойни платок слетел с ее волос, которые рассыпались по бесстыдно облегающему тело черному костюму. Один из убийц в маске окликнул ее, показав на шевельнувшегося в проходе мальчика. Джамаль с упавшим сердцем узнал его. Слепой муэдзин Абдула. Сирота, одаренный и добрый мальчик, с удивительным красивым голосом, он не совершил в своей набожной жизни ни одного греха. Подняв руки, он умолял пощадить его. Оглушительный щелчок отбросил мальчишку к стене. Слепота не позволила Абдуле увидеть, что в него стреляла та, что должна рожать детей, а не убивать их. Он умер быстро, и Джамаль надеялся, что его смерть тоже не будет мучительной и долгой.

Закрыв глаза, Джамаль опустился на колени, но не для молитвы или мольбы о спасении. Силы оставили его, угарный газ заполнил легкие, в голове разливалась звенящая пустота.

– Кто тут у нас? – Ускользящее сознание юноши уловило

насмешливый женский голос. Он успел увидеть склонившееся над ним лицо, не скрытое паранджой. Красивое и жестокое, с правильными выразительными чертами и смуглой совершенной кожей. Несмотря на близость смерти, взгляд художника подмечал, запоминал малейшие детали. Стальные серебристые подведенные глаза, изящные изогнутые брови, ярко накрашенные губы, длинные густые локоны, змеящиеся до пояса. Если глаза Эйнин напоминали ему цветущие оазисы, влекущие и безмятежные, то глаза этой женщины – разверзнувшуюся бездну ада, ледяные пустые колодцы с ядовитой водой, в дне которых кишат змеи.

Если бы выпал шанс, он бы запечатлел на холсте их обещания. Чистота и мерзость. Но последнюю рисовал бы мертвой, в каждом оттенке и мазке отражая ее истинную сущность. Жизнь и смерть, пепел и дым, уродство и совершенство, грязь и красота, грех и искупление...

* * *

– Я дождусь, – прошептала девочка, разжимая ладонь.

Слезы капали на грязные пальцы, омывая перстень, инкрустированный сияющими драгоценными камнями и выбитым замысловатым оттиском змеи в центре. Стиснув кольцо в кулаке, она зажмурила глаза, приказав себе не плакать.

– Я сохраняю его, – поклялась она самой себе. Присела на корточки, обхватив вздрагивающие плечи руками, и нача-

ла молиться, раскачиваясь из стороны в сторону, но ее веры оказалось недостаточно, чтобы спасти и защитить. И девочка винила себя в этом, потому что позволила греху проникнуть в мысли. Она раньше всех из сестер надела платок, но все равно не избежала соблазна. Отец не раз говорил, что ее лицо создано, чтобы искушать и вводить мужчин в грех и безбожие, и она скрывала его, из-за всех сил стараясь быть такой же смиренной и благочестивой, как младшие сестры.

Встав на ноги, девочка посмотрела в черноту, в которой скрылся спасший ее юноша, подарив и одновременно забрав надежду. Высокий, красивый, с чеканными чертами лица и высокими скулами, он много месяцев смотрел на нее опасными, пронзительными глазами, сверкающими на смуглом лице подобно аметистам. Такой юный, но уже отважный, смелый. Он бросился на помощь не раздумывая, а потом ушел спасать остальных. Говорят, что у принцев Анмара, сыновей короля Махмуда тоже светлые глаза. Может быть, это просто слухи, но девочка верила в них, как и многие другие в ее возрасте, предаваясь сказочным фантазиям. Возможно, она никогда больше не увидит своего загадочного спасителя, но в далеком будущем синеглазые мужчины всегда будут привлекать ее женское начало, беречь душу и звать к покрытым пеплом воспоминаниям.

Каждая новая минута тянулась как вечность, разрывая отчаянно колотящееся сердце в детской груди. Она неотрывно смотрела в темноту, в которую шагнул синеглазый мальчик.

Сейчас оттуда вырывались языки пламени, горячий жар опалял кожу.

Все кончено. Они погибли. Все до единого. Сизый едкий туман распространялся все быстрее и быстрее. Легкие сжались, отравленные угарным газом, ноги онемели, и даже боль в пораненных ступнях затихла. Сердце застыло, слезы высохли, надежда угасла, оставив последнюю молитву незаконченной. И только когда стена огня и дыма приблизилась почти вплотную, девочка побежала. Она бежала, не чувствуя, как горит под ногами земля, не отрывая воспаленного взгляда от приближающегося слепящего пятна света. Она бежала навстречу спасению, но еще не подозревала, какой ад ее ждет впереди...

Глава 2

*Раскрыть людям себя и скрыть художника –
вот к чему стремится искусство.*

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея

Наши дни
Нью-Йорк

«Нью-Йорк таймс»:

В одном из неблагополучных районов Нью-Йорка был обнаружен труп двадцатипятилетней модели ливанского происхождения.

Полиция занялась расследованием необычного убийства Марьям Зидан, которую без видимых признаков насильственной смерти нашли утром 8 апреля в гетто, в одном из заброшенных домов.

Полицейские не разглашают подробности дела. Однако неофициальные источники сообщают, что вероятной причиной смерти Марьям является отравление неизвестным веществом. В момент обнаружения на обнаженном теле девушки были найдены элитные драгоценности, а на лице – металлическая маска. Из возможных причин случившегося называется ее профессиональная деятельность или бытовой конфликт на почве ревности. Религиозный подтекст убийства модели с Ближнего Востока полиция в настоящий мо-

мент отрицает, отказываясь давать какие-либо комментарии по данному инциденту.

Расследование усиленно ведется, на месте преступления работают эксперты. Следствие опрашивает всех, кто вступал в контакт с Марьям Зидан накануне ее смерти, для выявления круга подозреваемых и возможных причин инцидента.

«Нью-Йорк таймс»:

Сеть взорвали посмертные снимки отравленной ливанской модели, выложенные неизвестным.

Напомним, что инцидент произошел 8 апреля. В гетто было обнаружено тело двадцатипятилетней Марьям Зидан.

В настоящий момент официальной причиной смерти полиция штата называет отравление. Личность убийцы до сих пор не установлена.

Утром 11 апреля в Сеть попали взорвавшие общественность снимки Марьям, которые оперативно были удалены полицией из общего доступа. Ужасает тот факт, что фотографии с большой долей вероятности выложены убийцей, который, помимо жестокости, обладает тонким художественным вкусом. Предполагается, что снимки сделаны уже после наступления смерти. Также всплыли новые детали, ранее не разглашавшиеся прессе: кожа убитой, как видно на снимках, покрыта арабской вязью.

Репортаж NBC:

Вчера, 3 мая, после анонимного звонка на свалке на окраине штата было найдено еще одно тело модели с близневыми корнями. Двадцатисемилетняя красавица Алиа Фарес по предварительной версии следствия была отравлена. Обстоятельства смерти модели схожи с обстоятельствами смерти обнаруженной в гетто три недели назад Марьям Зидан, и это привело следствие к выводу, что убийства носят серийный характер. В настоящий момент к расследованию присоединилось ФБР. Дело взято под особый контроль.

«Нью-Йорк таймс»:

Снимки еще одной убитой модели, отравленной серийным маньяком, попали в Сеть.

«Нью-Йорк таймс»:

Нью-Йорк замер в страхе, что убийства фотомоделей продолжатся. ФБР и полиция не дают никаких комментариев, методично удаляя просачивающиеся в Сеть фотографии девушек.

«Нью-Йорк таймс»:

Жутко-красивая смерть, грязь и бриллианты, обнаженное тело и скрытое маской лицо. Что хочет сказать обще-

ству своими преступлениями Ядовитый Любовник?

«Нью-Йорк таймс»:

Установлено, что бриллианты, обнаруженные на телах обеих жертв Ядовитого Любовника, выпущены ювелирной анмарской корпорацией «Лакиери Корп». Анонимные источники утверждают, что незадолго до гибели у девушек появился таинственный поклонник. Что это – совпадение?

Рика

– Он глубоко вдохнул, последний раз пробуя на вкус кислород, соленый воздух и горячий ветер пустыни. Принц знал, что, несмотря на то, что душа его любимой уже покинула тело, которое неистово целовал и крепко прижимал к себе еще несколько часов назад, она рядом. Повсюду. Все, что его окружало, было пропитано ею – девушкой, которая вернула к жизни сердце принца, но заплатила за это слишком высокую цену. Перед тем, как замертво упасть на мраморный ледяной пол дворца, принц подумал о том, что никогда прежде он не чувствовал себя таким живым, – и умереть следом за своей возлюбленной стало для него великой благодатью и очищением от куда более разрушающего явления, чем смерть: от бесконечной пустоты... – Мягкий голос матери затихает на столь загадочной и печальной ноте, и она с легким хлопком закрывает старую книгу в потрепан-

ном переплете. Многие из страниц писания «Легенды Анмара» давно пожухли, иссохли, стерлись, но я любила этот старенький фолиант и обожала наши с мамой ритуал: каждый день она с придыханием читала мне небольшие истории, рассказывающие как о королевской династии Мактум, так и о простых людях Анмара, где каждый был наделен своей особой, неповторимой, захватывающей судьбой. Я слепо верила каждой сказке, пока разглядывала нежную улыбку мамы, ее светлые глаза, в которые глядела как в зеркало, как в отражение своих. «Alsama' la yahda»⁷ называл цвет их радужки папа. Я – единственный ребенок в семье, унаследовавший внешность матери-американки, и поэтому отец настоял на том, чтобы общественные места я посещала исключительно в платке и не привлекала лишнего внимания к своей экзотической для этих мест внешности.

Помню, как прижималась к маме, ощущая вибрации тепла, исходящие от нее, такой родной и любимой... запах ее тела: домашний сыр, молоко, специи, которыми она изрядно сдабривала кашу из нута. Она обнимала меня крепко-крепко, пока я размышляла о предсмертной агонии принца, в которой он обрел свое счастье.

– Что значит «умереть», мам? И почему принц все-таки не боялся смерти? Все боялись, кроме него... – тихо интересуюсь у матери я, заглядывая в ее небесные глаза, нервно теребя заплатки на старом одеяле. Вечерние посиделки с ма-

⁷ Беспокойное небо.

мой всегда происходили в небольшой каморке, которую я искренне любила и называла своей комнатой, несмотря на то что за тонкой стеной, сделанной будто из картона, находилась спальня родителей. Наш дом считался очень неплохим убежищем по меркам Кемара: можно сказать, по сравнению с многими другими семьями мы жили в достатке. — С небес не возвращаются?

— Да, милая. — Мама поцеловала меня в макушку и нежно улыбнулась. — Но что бы ни случилось в людских судьбах, рано или поздно мы все оказываемся там.

— И встречаемся?

— Конечно, дорогая. Но ты не должна этого бояться. Ты будешь жить долго, моя Мина. В нашей стране грядут не самые лучшие времена, но ты ничего не должна бояться, слышишь? — Обеспокоенный взгляд матери на миг пугает своей серьезностью и сосредоточенностью. — Помни, что я, папа, братья и сестры — мы всегда будем рядом с тобой. И в жизни, и на небесах. Наша связь нерушима и вечна. Будь храброй, Медина. Пообещай, что будешь сильной, несмотря ни на что. — Тревога в небесных глазах матери нарастает, и их яркий цвет темнеет, будто затягиваясь грозowymi тучами. Мое сердце пускается вскачь от ее странных предостережений, которые, как оказалось, станут пророческими и предвосхитят реальные трагические события.

— Обещаю, мамочка. Я буду самой бесстрашной девочкой в мире. — Тесно прижавшись к материнской груди, засыпаю

в ее ласковых и заботливых объятиях.

Детское воспоминание обрывается мощным звуком оглушительного выстрела. Ударная волна, сопровождающая вылетевшую из дула пистолета пулю, заставляет меня еще крепче сжать рукоять ствола двумя руками. Мгновение спустя я наблюдаю в картонной мишени крошечную аккуратную дыру от пули, вдребезги разбившей призрачный образ моей прошлой жизни, кинолентой прокрутившейся перед внутренним взором.

Сжимаю зубы, ощущая, как до боли сводит мышцы лица. С бушующим в груди остервенением поражаю следующую картонную цель и вновь не попадаю в ее центр, обозначенный красной точкой.

Черт.

Тихо рыкнув, испытываю острое недовольство собой и со всей дури жму на клавишу запуска тренировочной стрелковой программы, оборудованной в этом небольшом помещении, расположенном под фундаментом дома, в котором я когда-то обрела новую семью.

Четырнадцать лет назад.

Мой приемный отец, будучи правой рукой главы отдела национальной безопасности ЦРУ, подарил мне этот крошечный полигон на пятнадцатый день рождения – думаю, это помещение под домом всегда являлось его личным штабом и он просто позволил мне проводить здесь время, которое

я предпочитала отдавать поглощению новой информации, спортивным и стрелковым тренировкам. Обстановка в подземной базе так и располагает к работе: серые стены, парочка навороченных компьютеров, помогающих мне в быстром анализе собранной информации по объектам, небольшой «тир» с встроенной программой обучения и старые тренажеры, на которых я периодически выпускаю свою ярость, злость, боль, отчаяние, заворачиваюсь в бронебойный кокон, тренируя силу воли и духа, чтобы никто и близко не подобрался к тому, что скрываю внутри.

Сколько себя помню, я всегда пыталась заполнить внутреннюю пробоину бесчисленным количеством дел, секций и занятий, спортом и своими планами по спасению мира. Но я недооценила всепоглощающую, горькую, разрастающуюся с каждым днем внутри бездну, образовавшуюся во мне в тот день, когда азамский теракт стер с лица земли крошечное поселение в Кемаре, оборвав сотни невинных жизней, уничтожив единственную в Аззаме мечеть, спалив дотла все жилые дома и мечты маленькой девочки, жаждущей однажды оказаться на страницах книги «Легенды Анмара».

Как глупо. Той маленькой мечтательницей была не я. Кто-то другой. Сегодня я – «оружие», неплохая ищейка, способная достать необходимую информацию из недр вулкана, кишящего иностранными агентами, шпионами и разведчиками, находящимися под подозрением у органов власти. Звучит круто, но на самом деле я не делаю ничего серьезного:

играю роль поверхностной инстаграм-модели и бегаю по ту-совкам, успевая прикреплять «жучки» и GPS-маячки на подозреваемых лиц, несущих угрозу моей стране. Навык оболыщания любого мужчины отработан мною до совершенства, и, как правило, все мои задания сводятся к тому, что я должна очаровать объект, заговорить ему зубы, вступить с ним в близкий контакт, «пометить» его необходимым устройством и благополучно скрыться.

– Запуск программы. – Пространство моего мини-штаба, который я кратко назвала своим давно забытым арабским именем Медина, наполняет механический женский голос. Сосредоточившись на команде, я про себя повторяю слова, отбивающие отмеренные мне секунды на подготовку, на каждый третий удар сердца. – Испытание начинается через одну, две...

Команду «три» я уже не слышу. Наушники не спасают от звуков, способных довести барабанные перепонки до кровотечения. Рывком достав пистолет из заднего кармана джинсов, до хруста в костяшках пальцев сжимаю его рукоять и без промедления и сомнений стреляю по постоянно перемещающимся перед моим взором мишеням, прекрасно понимая, что никакая это сейчас не тренировка. Это – моя агония. Я сбрасываю накопившееся за несколько месяцев напряжение самым доступным для себя способом, но никак не оттачиваю навык стрелкового мастерства.

Некоторые девушки бьют тарелки, срываются на всех под-

ряд в тяжелые периоды жизни. Кто-то закрывается в своей комнате и рыдает над сопливыми мелодрамами Спаркса. А я просто прихожу сюда и предаюсь воспоминаниям... без конца прохожу стрелковую тренировку, стараясь побороть свой страх перед оружием. С этим я почти справилась. Есть у меня и другая особенность, фактически фобия, которую победить невозможно, но о ней агенту ЦРУ вслух рассказать стыдно.

За каждым нажатием на спусковой крючок следует волновая отдача от выстрелов, дрожь в пальцах и постоянные промахи становятся чаще. Проявлять слабость с оружием в руках – непозволительная роскошь для младшего агента.

– Пять целей из десяти. Процент вашей меткости – пятьдесят, – выносит свой приговор механический голос, и, тяжело вздохнув, я вновь нажимаю на спусковой крючок, добывая последний патрон в магазине. Всего пятьдесят. Этого недостаточно. Я хочу быть готова к серьезным заданиям и устала от детских игр и постоянных глупых миссий, в которых мне отведена роль даже не второго, а третьего плана. Да, я еще молода и неопытна, но мне хотелось бы приносить серьезную пользу обществу и, возможно, когда-нибудь... предотвратить *страшные события*, влекущие за собой гибель сотен невинных людей...

Мелкая агонизирующая дрожь пробирает до кончиков пальцев. Мне невыносимо вспоминать тот день, когда от нашего поселения остались крупинцы пепла и пыли, со време-

нем превратившиеся в пески Махруса... Четырнадцать лет назад Аззам перестал существовать, но я выжила.

Я хочу быть бесстрашной, как и обещала.

Но сейчас я не более чем кукла, вынужденная обновлять свой инстаграм красивыми и не всегда целомудренными фотографиями, которые должны создавать у общественности совершенно четкий образ поверхностной идиотки, как говорят в Нью-Йорке – «юной светской львицы».

Красивая приманка, поблескивающий фантик, несостоявшаяся актриса – кто я? Не знаю. Я и сама иногда теряюсь в гранях своей личности, изредка получая удовольствие от власти над мужчинами, заглядывающими мне в рот – спасибо психологическим техникам, которым обучили на службе и в тренировочных лагерях. Я давно не встречала того, кто был бы как минимум равен мне, а еще лучше – сильнее меня. Во всех смыслах: энергетически, ментально, интеллектуально, морально, физически... Даже в роли роковой штучки в соблазнительных платьях я ощущаю свое внутреннее превосходство над большинством современных мужчин, половина из которых ударилась в «радужный мир», а еще четверть – слабые тьюфы или гламурные павлины, считающие, что уровень мужественности и внутренней силы эквивалентен количеству нулей на их банковском счете. Деньги порой хороший показатель, не спорю, но, чтобы ввести меня в замешательство на задании, мне нужно куда больше. Глубже. И я сейчас не о том, что вы могли бы подумать. Лишь мужчина,

обладающий звериной и в то же время закованной в стальные доспехи энергетикой и некричащей абсолютной властью внутри, способен приручить меня и избежать моего «жучка». В общем, таких я на заданиях не встречала.

Остается последняя четверть. Небольшой процент тех, кого я уважаю, на кого смотрю снизу вверх, но подобных экземпляров так чертовски мало, что я давно поняла: брак, отношения, любовь – это не для меня. Я отдам свое сердце борьбе с демонами, которыми кишат улицы, города и страны. Поэтому и надоели все эти игры в песочнице, соблазнение «кошельков» на пафосных вечеринках, слежка, причем довольно бесцельная, потому что меня иногда даже не вводят в курс дела, лишь обозначают задачи. В перерывах между миссиями и вовсе приходится сотрудничать с модными брендами, стряпать глупый контент в социальную сеть и читать гневные комментарии от дамочек, которые с утра до ночи поливают мою отвратительную на их взгляд фигуру «песочные часы».

Моя душа горит, жаждет адреналина, погони за раскрытием страшных тайн в делах, которые я вижу лишь украдкой и в которых мне никогда не позволяют участвовать. *Я просто хочу быть полезной и знать, что как можно меньше девятилетних девочек переживут то, что пережила я.*

Ощущение того, что я должна отдать долг за сохраненную жизнь в том проклятом теракте, никогда не отпускает, тяжелым камнем давит на плечи. Вся моя семья погибла, все,

кто был в мечети и близ нее, уничтожены – и это не мои домыслы, а факт. Надломленная детская психика закрыла часть воспоминаний... стыдно признаться, но я не помню даже лиц своих родителей и братьев и сестер. Я даже знаю причину подобного отрешения: последнее, четкий образ – это безжизненно упавшее замертво тело моего младшего брата. Его пустой взгляд, устремленный в затянутый смогом, пылью и дымом потолок мечети. Неестественное положение маленьких рук и ног. Совсем кроха. Лужа крови, постепенно превращающаяся в багряный океан... Алая пелена застилает остальные мертвые тела, павшие рядом. Помню, как прижалась всем телом к стене и горько рыдала, мечтая очнуться. Проснуться в объятиях матери. О том, что мне больше не суждено ее увидеть и наш дом взорван снарядом с воздуха, я еще не знала... Если бы знала – наверное, улеглась бы рядышком с братом и смиренно сложила руки, приготовившись мучительно задыхаться от гари и дыма. Наверное, такое желание у меня было. Но *что-то* изменило мои планы...

Я должна была погибнуть вместе со своей семьей. Но этого не случилось.

Как я спаслась?

Меня спас мальчик. Я не знаю его имени, хотя не раз наблюдала за ним, испытывая непреодолимое желание познакомиться ближе. Вера не позволяла. А ведь я даже не помню черты его лица, но именно ему я обязана жизнью.

Мой приемный отец, Мэттью, говорит, что я выжила, по-

тому что у *судьбы* были на меня другие планы. Но все мы прекрасно знаем, что это лишь пыль, красивые слова, которые ничего не значат – ровно до того момента, пока не превращаются в поступки и цели. Ничего особо полезного я в этой жизни пока не сделала. Не спасла ни единой жизни, не раскрыла важного дела. Годы подготовок в лагерях ЦРУ – неужели все это ради того, чтобы стать ручной куклой, чей удел – собирать незначительную информацию? Этого слишком мало, чтобы перестать ощущать чувство вины за то, что я спаслась, в отличие от семьи и остальных жителей Аззама.

На мгновение я прикрываю веки, на несколько секунд возвращаясь в тот роковой день, демонстрирующий мне истинную природу человечества на данном этапе развития... хотя напавшие на нас, по всей видимости, людьми не являлись. И животными тоже. Животными были мы... жалким скотом на убой, у которого не было шансов на спасение. В той жизни у меня не было того, что есть сейчас, – связей, приятных материальных ценностей, возможностей, открывающихся в Нью-Йорке... Моя жизнь была безмятежной, можно сказать, ненасыщенной событиями и скучной, но я никогда не была одинока, находила счастье в каждом дуновении ветра и обжигавшем поцелуе кемарского солнца. Я не была пуста, когда зачарованно наблюдала *за ним*, за мальчиком, которого видела вблизи лишь однажды, я не была пуста, когда смотрела в зеркало и закрывала почти каждый сантиметр своего тела темной тканью, думая о том, что мальчик, чьи глаза

цвета индиго – неповторимые, яркие, как в сказках у принцев из «Легенд Анмара», даже не знает, как я выгляжу. Но это не помешало ему рискнуть своей жизнью, спасти меня и храбро вернуться за своими и моими родными. Не представляю, какой внутренней силой и смелостью нужно обладать в столь юном возрасте, чтобы отважиться на такой отчаянный, неоправданный шаг. Я сдержала данное юноше обещание. Жаль, что мне все-таки *не суждено* отдать ему перстень, который я изредка надеваю на шею, а в остальные дни храню под корешком потрепанной обложки книги «Легенды Анмара». В день ужасной трагедии я спрятала любимые сказки под паранджой и взяла с собой в мечеть, словно чувствовала, что это единственное, что мне останется в память о матери.

Семья – один из нескольких бесценных даров жизни, каким только может обладать человек. И очень жаль, что некоторым суждено ее потерять и слишком рано осознать, что у тебя в этой жизни есть только ты и узкий круг твоих близких, которыми стоит дорожить, о которых стоит заботиться.

Поэтому я и сейчас живу в постоянном страхе за приемного отца и младшего брата, к которому привязана почти как к родному. Как ни крути, но Мэтт, мой отец, постоянно находится под прицелом и в эпицентре опасности. А Люк просто обожает попадать в неприятности.

– Эрика! – звенящий тревогой голос отца заставляет вздрогнуть, и я снимаю наушники, спасающие мой слух от оглушительно громких выстрелов. Обернувшись, встреча-

юсь взглядом с Мэттью. В груди разливается знакомое тепло, которое возникает внутри каждый раз, когда я вижу приемного отца. Мой взгляд скользит по изможденным и уставшим чертам его лица, пока одним ловким движением я вынимаю опустевший магазин из рукоятки пистолета.

Я не сразу стала называть Мэттью папой, все-таки я потеряла семью в довольно осознанном возрасте и за первый год не связала ни одного предложения. Шок был настолько силен, что некоторые психологи заявляли Мэтту, что я никогда не буду разговаривать. Они все задавали мне вопросы, убеждали в том, что я должна проговаривать свою боль, обсудить с ними свои чувства от горя и потери, но я молчала, потому что испытывала жуткий стыд за то, что произошло со мной после нападения на мечеть.

В одночасье моя душа разбилась на мелкие осколки.

И один из них откололся в мечети.

Другой – в страшные, наполненные отчаянием часы, пока я скиталась по пустыне Махрус, давясь слезами, сходя с ума от голода и боли, выворачивающей нутро наизнанку. Наверное, я бы так и умерла в пустыне, став одним из барханов Махруса, но судьба вновь наградила меня парадоксальной «живучестью». Меня подобрали анмарские торговцы душами. Отвезли в поселение, где были десятки таких же девочек и мальчиков в возрасте от восьми до восемнадцати лет. Уже в девять я узнала вторую и совсем не сказочную историю «Легенд Анмара»: нет никаких принцев, королей, доб-

родетельных шейхов и храбрецов... а вот «рынок плоти» на Ближнем Востоке имеется. Растет и процветает с каждым годом, и именно я стала одним из свежих кусков мяса, возложенных на алтарь этого маскарада бесчеловечности.

Это была неделя, полная ужаса, страха, отчаянья, паники. Слушая рассказы девочек чуть постарше меня, я даже жалела, что не погибла в мечети. Меня, как и всех маленьких рабынь, ожидало страшное – аукцион, на котором моя душа и тело были бы проданы не самому приятному хозяину из любой точки земного шара. Детей, подростков, молодых девочек выставляли на продажу в клетках, словно загнанных в капкан животных, для того чтобы в дальнейшем содрать с них шкуру, разделить на мелкие кусочки или же подавать кислород со своей барской руки.

Самого страшного со мной не случилось, и на ублюдков-торговцев нашлась управа: всех нас спас отряд ЦРУ, направленный в эту точку ради спасения украденных американских детей. Меня сразу приняли за американку: благодаря маме, я говорила на английском без акцента и довольно сильно отличалась от большинства девочек с черными как смоль волосами и такими же темными глазами. Несмотря на то, что нас держали в омерзительном месте, где воняло сыростью и гнилью, мне удалось сохранить любимую книгу и печатку юноши в целости и сохранности – приходилось прятать их под шатающимся камнем в полу темницы, но я была готова любой ценой защитить дорогие сердцу релик-

вии. Прямоком из своего несостоявшегося рабства я попала в реабилитационный центр, оказавшись под прямым покровительством Ильдара Видада – очень разносторонней и противоречивой личности. Как человек, регулярно вкладывающий в благотворительность миллионы, Илдар спонсировал центр «Надежда» и, черт его знает почему, сразу выделил меня среди других детей. Илдар и привел меня к Мэттью, точнее, приемного отца – ко мне. Они познакомились на одном из благотворительных вечеров, и когда Илдар узнал, что Доусон потерял сына и жену в аварии, рассказал обо мне. Мэттью говорит, что Илдар всегда отзывался обо мне с горящими глазами и называл особенной девочкой. Конечно, никакая я не особенная, просто Мэтт, в одночасье став одиночкой, отчаянно нуждался в человеке, которому сможет отдавать свое тепло. Он нуждался в смысле жизни. Я нуждалась в опоре, поддержке и отце. Два разбитых сердца встретились, чтобы помочь друг другу исцелиться.

Чуть позже папа взял из приюта и Лукаса – на построение отношений у агента ЦРУ времени нет, а он хотел сына, к тому же в Америке была волна агитации за усыновление детей из детских домов. Люку сейчас всего девять, и порой он приносит много хлопот, но я счастлива, что и у меня появилась иллюзия «полноценной семьи», которую я потеряла. Именно эта иллюзия и помогла мне справиться с пережитым кошмаром и стать сильнее, нарастить непробиваемую броню, к которой не подпущу ни одного маньяка и террориста.

Да и мужчину... не подпущу больше, испытав горькое разочарование от прошлых отношений. Хотя, как я уже и заметила, этим слабакам никогда не сломать мою стену и не прикоснуться к моей душе. К Медине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.